

P. A. Агеева

ОБ ЭТНОНИМЕ ЧУДЬ (ЧУХНА, ЧУХАРЬ)

Этноним *чудь* (*чухна, чухарь*) издавна привлекал внимание исследователей. Попытки объяснить происхождение этого названия столь же многочисленны, сколь и попытки определить этническую принадлежность этого древнего населения Русского Севера и Северо-Запада. Исследователи приводили различные этимологии этнического термина *чудь* (славянскую, германскую, финно-угорскую и даже «скифскую» [1. 165—168]). Однако почти все они спорны. Равным образом ни лингвисты, ни археологи не пришли к единому мнению относительно этнической принадлежности древней чуди, и исследование этой проблемы в наши дни не намного продвинулось по сравнению с результатами работ филологов и историков XIX в.¹.

Весь предыдущий опыт показал, что стремление объяснить этноним *чудь* на основе формального сходства его звукового состава со словами в определенных языках не результативно. Поэтому нужно попытаться, еще раз пересмотрев существующие точки зрения, подойти к «проблеме» чуди несколько с другой стороны. Богатейший фольклорный материал и различные сведения по этнографии и языкам народов Северной Европы позволяют получить картину употребления термина *чудь* в различных языках и диалектах, а затем произвести семантический анализ и выявить первоначальные значения термина *чудь*. При этом мы не ставили себе задачей создание новой этимологии (хотя возможность этого не исключается в будущем). Нашей целью было на основе изучения семантики ряда финно-угорских и самодийских этнонимов выяснить их основные семантические типы и параллельно с этим рассмотреть различные значения этнонима *чудь*. В данной статье мы ограничимся лишь изложением результатов, полученных для этнонима *чудь* и могущих стать рабочей гипотезой для дальнейших исследований.

Обращение к различного рода источникам (здесь они не

¹ За исключением работ П. А. Аристе и Х. А. Моора по территориям Эстонии и бывш. Ингерманландии.

приводятся за недостатком места) дало нам следующую картину употребления термина *чудь* (*чухна*, *чухарь*) в различных языках и диалектах² (табл. 1).

Соответственно мы рассмотрели различные точки зрения исследователей по вопросу об этнической принадлежности чуди (таких точек зрения оказалось шестнадцать; не исключено, что некоторые остались нам неизвестны) и сгруппировали их также в виде таблицы (табл. 2).

Что же можно сказать об историческом содержании этих терминов на основании составленных нами таблиц употребления терминов *чудь*, *чухна*, *чухарь* в различных языках и в литературе?

Если исходить из того, что значение этнонима, бытующее только в одном языке, является вторичным, то следует признать, что первичными значениями терминов *чудь*, *чухна*, *чухарь* являются следующие:

1) вообще финно-угорские народы;

2) прибалтийско-финские народы, в том числе эсты, водь, ижора, карелы, финны, вепсы;

3) (в Заволочье) население бассейна Онеги, Двины, Мезени, Пинеги, Печоры;

4) древнее население, оставившее городища и могильники;

5) древний воинственный народ.

Пункты 4 и 5 малоинформативны, и поэтому их можно здесь не учитывать. К тому же они относятся к пп. 1, 2 и 3 как характеристики данных народов. Гораздо важнее следующее: 1) как самоназвание, этот термин употребляют эсты, водь, вепсы; 2) своими предками чудь считают: коми (зыряне и пермяки), вепсы, частично русские (некоторые семьи на Севере).

Итак, безусловно (вывод далеко не новый), чудью назывались известные и, вероятно, некоторые неизвестные прибалтийско-финские племена (или племена, подвергшиеся их влиянию). Следы их нужно искать в Эстонии и к востоку от нее — в Новгородской, Псковской, Ленинградской, Калининской областях, а также в Заволочье.

Если относительно Прибалтики мнения исследователей (см. табл. 2) соответствуют реальным употреблениям этнонима *чудь* (см. табл. 1), то относительно Севера и Заволочья мы наблюдаем самые разнообразные точки зрения, довольно далекие от значений этого термина в его действительном употреблении. Кроме прибалтийско-финских народов различные авторы пытаются отождествить Заволоцкую Чудь со следую-

² В составлении таблицы принимал участие фольклорист Ю. И. Смирнов, которому приношу благодарность.

Таблица I

Народы, называемые <i>чудь</i>	Народы, употребляющие название <i>чудь</i>	Народы, употребляющие слово <i>чудь</i> как самоназвание
I. Население Прибалтики		
1. прибалт.-финские народы (собир.)	русские, эсты	
2. эсты	русские, вода	эсты
3. вода	русские, эсты	вода
4. ижора	русские, эсты	
II. Население Севера		
1. вепсы	русские	вепсы
2. карелы	русские, саамы	
3. финны	русские, эсты, саамы	
4. русские	саамы	
5. шведы	саамы	
6. норвежцы	саамы	
7. население Кольского п-ва	русские	
III. Население Заволочья, Приуралья, Западной Сибири		
1. вообще финно-угорское племя (собир.)	русские, ненцы	
2. население басс. Онеги, Двины, Мезени, Пинеги, Печоры (Заволоцкая Чудь, сирте)	русские, ненцы	
3. угорские народы (ханты, манси)	русские	
4. народы Западной Сибири до Алтайского хребта	русские	
5. древнее население, оставившее городища и могильники	русские, коми (зыряне и пермяки), башкиры	
6. древний воинственный народ	карелы, саамы	
7. предки своего народа	коми (зыряне и пермяки), вепсы (?), русские (отдельные семьи на Севере)	
IV. Прочее		
1. литовские паны	русские	
2. татары-чудь белоглазая	русские	
3. враг, разбойник (собир.)	финны, саамы, русские	
4. духи-невидимки	ненцы	
5. сказочные великаны	ханты (обские)	
6. колдуны, шаманы	саамы, русские	
7. бранная кличка	русские, эсты	
8. нечистая сила	русские	

Таблица 2

Народы, называемые «удь» различными авторами	Авторы, употребляющие это название
<p>I. Население Прибалтики</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. прибалт.-финские народы (собир.) 2. эсты 3. воль 4. водско-славянское население северной Эстонии 5. население юго-восточной Эстонии и области к востоку от нее (сету) 	<p>А. Х. Лерберг, Д. В. Бубрих, В. А. Егоров, Х. А. Моора, Д. Дечи, В. В. Сенкевич-Гудкова, М. Муст, А. И. Попов летописи, М. Фасмер, А. И. Попов и др. Ю. Мягистэ, Й. Яааккола, Э. Итконен, Х. А. Моора М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров Х. А. Моора</p>
<p>II. Население Севера и Заволочья</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. вепсы 2. карелы 3. вепсо-карелы 4. фишины (емь, сумь) 5. колбяги 6. угорские народы (югра) 7. коми-зыряне 8. особое финно-угорское племя 9. древнейшее саамское население, ассимилированное вепсами 10. досамодийское население палеоазиатского типа 	<p>М. А. Кастрен, Ф. И. Видеман, Д. В. Бубрих, В. В. Пименов М. А. Кастрен, Д. К. Зеленин Д. Дечи, В. И. Лыткин А. И. Шегрен, М. А. Кастрен, М. Фасмер, А. В. Елисеев, Д. Н. Островский, С. С. Гадзяцкий Й. Яааккола, Э. Итконен Д. Европеус, П. С. Ефименко, Д. К. Зеленин Д. К. Зеленин, В. В. Мавродин К. Б. Викlund, А. Л. Погодин, А. И. Попов, А. К. Матвеев А. К. Матвеев Л. П. Лашук</p>
III. Финно-угорские народы (собир.)	М. А. Кастрен, В. О. Ключевский, Н. П. Барсов и др. русские историки, Н. Н. Харузин, А. Г. Тышинский, А. И. Попов, А. К. Матвеев

щими народами: 1) угорские народы (югра); 2) древнейшее саамское население, ассимилированное вепсами; 3) досамодийское население палеоазиатского типа.

Таким образом, независимо от правильности той или иной точки зрения ясно, что Заволочье не было столь этнически однородным, как район Прибалтики в той ее части, где

она была населена прибалтийско-финскими племенами. Об этом говорит и субстратная топонимия Русского Севера.

Каково же смысловое содержание этнических терминов *чудь, чухна, чухарь?*

1) Все эти термины обозначают различные прибалтийско-финские племена.

2) *Чухарь* помимо обозначения вепсов в архангельском диалекте русского языка означает 'глухой тетерев, мошник, глухарь' [2].

3) Термины *чудь, чухна, чукча* или *чучá* употребляются и в бранном смысле: 'дикие, бестолковые, грязные люди'. Ср. рус. диал. *чухна* 'свинья'; влгд. бран. *чухня* 'бестолковый дурень'. Ср. поговорку «Грязный, как чуди».

4) У некоторых народов понятие *чудь* связывается со скандинавскими образами великанов, колдунов. Так, хантыское население Томской губернии называло богатыря, великана словом *màdur*, которым в то же время называло и древнюю Чудь. В саамском фольклоре Чудоорча — предводитель Чуди [7. 366]. Этот же Чудоорчъ в саамской сказке выступает в качестве нойды, колдуна и шамана [8. 160—161].

5) В саамском языке слово *чудь* получило значение 'враг, грабитель, преследователь'.

Можно предположить, что все эти значения, составляющие смысловое содержание терминов *чудь, чухна, чухарь*, связаны между собой. Термин *чудь*, означавший первоначально какие-то финно-угорские племена (или племя; возможно, это отражение его самоназвания, которое сейчас трудно восстановить), впоследствии был переосмыслен в различных языках. По-видимому, это племя было воинственным и совершало в древности походы (или набеги) на окружающие племена, в первую очередь на саамов, что отразилось соответствующим образом в саамском языке. В русских диалектах слово *чудь* по звунию сблизилось со словами *чужой, чужак, чудак, чудной*, испытав на себе их семантическое влияние.

Легенды о походах древней Чуди отразились в фольклоре некоторых народов в образе древних великанов, обладающих большой силой, колдунов. В связи с этим можно также обратить внимание на старославянские слова [5]: *штоудовинъ* м. р. 'исполин'; *штоудовитъ* прил. 'гигантский', 'великанский'; *штоудовъскъ* прил. 'гигантский, великанов'; *штоудъ* м. р. 'великан'; *штоудъка* ж. р. 'великанша'; *штоудъскъ* прил. 'принадлежащий великанам'.

Очевидно, здесь существует прямая связь со ст.-сл. *штоудо*, рус. *чудо* как «то, что удивляет, поражает воображение». Если слова *чудь* и *чудо* и не связаны этимологически, то, во всяком случае, налицо связь семантическая (по переосмыслинию).

Не случайно, по-видимому, и обозначение некоторых прибалтийско-финских групп (вепсы) словом *чухарь*, которое одновременно значит 'глухой тетерев, глухарь'. Русские диалектные формы (северные) *чуча*, *чукча* как обозначение чуди происходят от саамских диалектных форм *чухч*, *чукча* 'глухарь', а также, возможно, от коми-зырян. *t'sukt ši* (диалекты вычегодский, печорский, ижемский, удорский) [11] в значении 'глухарь'.

В русских диалектах (перм.) есть и слово *чұча*, *цица*, *чүчело* в значении 'пугало на огороде', 'набитая кожа зверя, животного, птицы'. Термин *чүчельник* означает 'охотничий шалаш на тетеревов'. Обращает на себя внимание форма слова *чүчело* — трехсложного образования на *-ело* с ударением на первом слоге. Сомнительным кажется сопоставление М. Фасмером [10] этого слова по словообразовательному типу с **vesel'b*. Скорее можно сопоставить это имя существительное с такими словами, как *помелό*, *пұгало*, *одеяло*, *поддувало*, *горнило*, *точило*, *светило*. Однако все эти существительные произошли от глагольной основы и имеют значение орудия или предмета, с помощью которого происходит действие. Форма *чүчело* с ударением на первом слоге при отсутствии соответствующей глагольной основы, вероятно, является образованием по аналогии от финно-угорского корня.

Диалектное *чухарь*, *чухна* в переносном смысле употребляется в значении 'отсталый, дикий, бестолковый человек'. Это легко можно объяснить тем, что чудь казалась такой новым пришельцам, находящимся на более высоком уровне общественного развития.

Таким образом, мы пришли к выводу, что слова *чудь*, *чухна*, *чухарь* семантически связаны с названием глухаря в западных прибалтийско-финских и саамском языках. Сам корень *чух-*, возможно, по происхождению является звукоподражательным.

В связи с этим можно высказать предположение, что название древнего племени *чудь* (по крайней мере в Заволочье — *чухари*, *чукча*, *чуча*) связано с обозначением глухаря в саамском и некоторых других языках территории Севера. Это предположение можно подкрепить некоторыми этнографическими данными.

Мы имеем мало сведений о почитании животных и птиц древней языческой Чудью. Тем не менее существует предположение, что среди птиц, почитаемых Чудью, были журавль, голубь и глухарь [6. 335—336].

У соседних народов (селькупов, хантов) в отличие от Чуди (которая растворилась среди русского и зырянского населения Севера) сравнительно хорошо изучена древняя родовая организация. Еще М. А. Кастрен (1860) отмечал нали-

чие дуальной организации у остыко-самоедов (селькупов): «Баишенские и карасинские самоеды, т. е. селькупы, распадаются на две большие ветви — Лимбель-гум и Казель-гум» [3. 229; 9. 85]. Название Лимбель-гум Кастрен расшифровывает как Орлиные люди, Казель-гум — как Окуныи люди. Это названия древних тотемов. Лимбель-гум называются также гусиными, журавлиными, тетеревинными людьми (вернее, глухаринами людьми; П. Хайду переводит другое название этого племени *sengel-gum* как 'глухариный человек'). У хантов тоже отмечены фратрии с тотемическими названиями. Примечательно, что эти народы называли тотемическими названиями и реки. По мнению А. М. Золотарева [3. 278], образ птицы — тотема фратрии, устроителя мира, — можно считать древнейшим. Этот образ характерен для Сибири и Северной Америки и встречается также в русских народных сказаниях; он является типичным мотивом мифологии индейцев северо-западного берега Америки, встречается также у чукчей и у гиляков. По-видимому, мотив птицы-тотема возник в азиатской среде, и его распространение связано с некоторыми группами монголоидной расы.

Возможно, в этом направлении следует искать объяснение этнонима *чудь*. При наличии других данных это помогло бы и в поисках исчезнувших следов родовой организации древних племен, населявших Север и Приуралье.

Попробуем теперь осветить вопрос о различных формах обозначения чуди, бытующих в русском языке. Речь идет о словах *чудь*, *чухна*, *чухарь*. В литературе имеется довольно устойчивое мнение о том, что формы *чухна* и *чухарь* возникли на славянской (русской) почве. Так, А. И. Соболевский считал, что при праслав. *t'ud* существовало и праслав. *t'uy* с той же суффиксацией, что *чех*, *лех* (рус. *чухна*, *чухонец* 'финн'). М. Фасмер [10], вслед за А. И. Соболевским, считает форму *чухна* производной от *чудь* с суффиксом кратких имен *-хно*, как *Михнó*, *Яхнó*, *Махнó*, *Юхнó* (это образование было характерным для новгородских, а также украинских и белорусских личных имен). Однако не очень понятно, почему собирательное название ингерманландских финнов должно быть образовано с помощью уменьшительного суффикса русских личных имен, тем более что аналогий в других этноимах не наблюдается. (Даже если предположить, что др.-рус. *чухнó* произошло от личного имени *Чудин*; но ведь М. Фасмер производит *чухнó* от собир. *чудь*.)

Со своей стороны, мы могли бы предложить поставить этноним *чухна* (*чухонцы*), наравне со словом *чудь*, в ряд с другими собирательными названиями жителей определенной

местности. До сих пор в диалектах русского Севера встречаются следующие собирательные названия населения в форме единственного числа [4]:

олонча (м. р. ед. ч. и собир., устар., разг.) от г. Олонец наряду с формами мн. ч. олончáне, олонцы;

пустозёра и пустозёры (разг.) от с. Пустозёрск Мезенского р-на Архангельской обл.;

холмогора, холмогóры (разг.) от г. Холмогоры Архангельской обл.;

котел'яне, котел'яна (разг.) от г. Котельнич Кировской обл., жители б. Котельнического у.;

кукара и кукáры от сел. Кукарка б. Вятской губ.;

нейяне (устар., разг.) от г. Нея Костромской обл. наряду с нейцы, нейчане;

гáлка (м. р. ед. ч. и собир., устар., разг.) от г. Галич Костромской обл., крестьяне Галицкого и смежных уездов Костромской губ.;

нол'я (собир., устар., разг.) от г. Нолинск, жители Нолинского у. б. Вятской губ. Этим термином обозначаются вятчане, нолинцы со своим особенным говором.

Отсюда видно, что образование собирательных названий жителей какой-то определенной местности было характерно для Русского Севера. В древнерусском оно было еще более характерным (наименования народов и одновременно местностей, занимаемых ими): *литва, либь, жмудь, мордва, корела, самоядь, югра*.

Этноним *чухна*, несмотря на употребление этой формы и в мужском роде единственного и множественного числа (*чухна, чухонец*, ср. *семь чухновъ*, приводимое М. Фасмером из летописей), можно в первую очередь считать собирательным названием, формой, параллельной слову *чудь*. По словообразовательному типу слово *чухна* можно скорее рассматривать как *чух-на* от корня *чух-*, тем более что этот корень присутствует в слове *чух-арь* и, как мы пытались показать выше, является в русском языке заимствованием из финно-угорских языков.

Что же касается формы *чухарь*, то, по М. Фасмеру, она образована от *чухна, чудь* по тому же типу, что и слово *глухарь* или *лопарь*. Думается, что вряд ли можно смешивать здесь типы образования этнонимов и других слов в русском языке на *-арь*. Русские существительные на *-арь* могут быть образованы: 1) от глагольной основы: *пéкарь, звонáрь, пáхарь* и др.; 2) от основы имени существительного: *пескáрь, пушкáрь, вратáрь, корчмáрь, дудáрь*; 3) от основы имени прилагательного: *дикáрь, сухáрь, глухáрь*. Наряду с этим имеется ряд оттопонимических образований на *-арь, -ар* — это названия жителей определенной области (чаще от названия

реки) [4]: *волгárь* (р. Волга), *окárь* (р. Ока), *сицкárь* (р. Сить Ярославской обл.), *чунárь* (мн. ч. *чунарíй*, *чúnцы*) — житель Чунского р-на Иркутской обл., *кóкшар* — житель Кокшеньги (бассейн Сев. Двины). Названия *чухарь*, *лопарь* явно ближе к последнему ряду образований, поскольку все эти слова, если можно так выразиться, «этнонимного» типа.

Однако включение названий *чудь*, *чухна*, *чухарь* в русские словообразовательные типы не должно заслонять того факта, что по происхождению эти формы этнонима являются заимствованными: рус. *чудь* напоминает саам. *čudde*. С другой стороны, названия *чухарь*, *чукча* или *чучá* могут быть также объяснены средствами саамского языка. Скорее всего следует прийти к тому выводу, что наличие двух разных корней (*чуд-* и *чух-*) в русских наименованиях чуди невозможно объяснить из самого русского или старославянского языка или даже из праславянских реконструкций. Вероятно, происхождение этих различных вариантов наименования чуди в русском языке следует искать в саамских этимологиях.

О том, какое распространение имели эти различные варианты этнонима, можно судить пока что лишь по составленной нами карте распространения топонимов, в которых отражено название чуди (на всей территории Севера и Северо-Запада СССР), хотя вряд ли можно всерьез полагаться на картографирование этнотопонимов и тем более делать отсюда какие-либо этноисторические выводы. Однако подобный метод может все же дать дополнительный материал. Так, оказалось, что названия с основой *чуд-* (отсюда были исключены названия, происшедшие от личных имен и фамилий) распространены по всему Северу и Северо-Западу (наибольшая сосредоточенность на Кольском полуострове, в Северном Поволжье и в областях восточнее Эстонии), в то время как названия с основой *чухн-* образуют четко выраженный ареал на Северо-Западе; названия с основой *чухар-* распространены преимущественно на Севере и в центральных областях, смежных с Севером; названия с основой *чухч-* (варианты *чукч-*, *чуч-*) распространены почти исключительно в бассейне Сев. Двины. Из подобного соотношения можно заключить, что названия с основами *чухн-* и *чухч-* (если последняя вообще указывает на «чудское» население, что сомнительно) являются местными, локальными вариантами названия дорусского населения Севера — чуди, в то время как названия с основой *чуд-* как будто бы отражают общеупотребительный вариант названия чуди среди русского населения Севера.

Однако вариант с основой *чуд-* мог быть занесен на Север (в Заволочье) новгородцами в более позднее время. Та-

ким образом, на основе имеющихся данных пока еще трудно с достоверностью судить о соотношении различных вариантов наименования чуди и о путях их проникновения в русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Р. А. Агеева, Этнический термин *чудь* на территории Севера и Северо-Запада СССР, — «Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений», Рига, 1966.
2. В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, М., 1956.
3. А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.
4. «Словарь названий жителей РСФСР», под ред. А. М. Бабкина, М., 1964.
5. А. В. Старчевский, Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию, СПб., 1899.
6. А. Г. Тышинский, О чудских древностях в Архангельской губернии, — «Труды первого Археологического съезда в Москве 1869», т. 2, М., 1871.
7. Н. Харузин, Русские лопари, — «Известия ОЛЕАЭ при Московском университете», т. 66. Труды этнографического отделения, кн. 10, М., 1890.
8. К. К. Щеколдин, Лопарские сказки, — «Живая старина», вып. 2, 1890.
9. P. Hajdu, Die Benennungen der Samojeden, — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 1948—50, vol. 54.
10. M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, Bd 3, 1958.
11. Y. Wichmann, Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre (Lexica societatis finno-ugricae, 7), Helsinki, 1942.